УДК 101.8

ГЕРМЕНЕВТИКА ГИМНА. Часть II

Воробьева Елена Юрьевна,
кандидат философских наук,
г. Омск, Россия.
E-mail: velena-05@mail.ru

Аннотация
Основная задача герменевтики – понимание – не может быть решена без диалектического к ней подхода. Понимание – это поиск не только понятного в непонятном, но и непонятного в понятном. На примере гимнов как традиционных символов государства показаны механизмы расширения познанного через анализ скрытых смыслов и их влияния на политическую судьбу народов.

Ключевые понятия:
герменевтика,
информационная цивилизация,
символ,
смысл,
гимн.

Современная геополитическая обстановка невольно возвращает нас к кризисам начала XX в., приведшим к кровопролитным мировым войнам. И в Первой, и во Второй войне одним из главных участников выступала Германия, разыгравшая карту националистической идеологии. Изучая текущую политическую ситуацию, причиной которой послужили события на Украине, невозможно пройти мимо переклички начала веков, не обнаружив приметы, предсказывающие глобальный политический кризис. Тем не менее есть надежда, что разрешение проблем, стоящих перед мировым сообществом, пройдет невоенным путем, ибо Украина, по своей национальной ментальности, не только «не Россия», но и не Германия, о чем свидетельствует смысловое содержание немецкого гимна.

Нелегок и тернист оказался путь к статусу государственного символа **Федеративной Республики Германии** – «Песне немцев». Текст был написан в 1841 г. Гофманом фон Фаллерслебеном и положен на музыку австрийского «Императорского гимна» Й. Гайдна.

С 1815 г. территория, на которой говорили по-немецки, была разбита на 39 отдельных государств (одна империя, пять королевств, одно курфюршество, десять герцогств, семь великих герцогств, одиннадцать княжеств и четыре имперских города). На Венском конгрессе они объединились в Германский союз, но он не предусматривал фактического единства: ни правительство, ни финансы, ни армия, ни законодательство не были общими. Критически настроенные интеллектуалы требовали основания германского национального государства, поэтому первая строфа «Песни немцев» явно намекает на наследие Карла Великого и воссоздает ареал распространения Германии от Мааса до Мемеля и от Эча до Бельта*.

В 1922 г. Веймарская республика объявила «Песнь немцев» государственным гимном. Ирония истории состоит в том, что именно социал-демократы «подарили» этот гимн А. Гитлеру. Победоносная экспансия Третьего рейха как нельзя лучше соответствовала содержанию первой строфы: «Германия превыше всего, превыше всего в мире...», – после которой звучали куплеты боевой песни штурмовиков Хорста Весселя. Остальные строфы не исполнялись.

*Маас – река во Франции и странах Бенилюкса, Мемель; – литовская Клайпеда; проливы Большой и Малый Бельты находятся в Дании; Этч – в Швейцарии и Италии.

Крушение Третьего рейха привело к запрещению «Песни немцев», но какие бы альтернативы ни предлагало правительство нового, демократического режима, они не находили поддержки народа: проведенный в 1951 г. опрос зафиксировал, что три четверти немцев высказались за возврат прежнего гимна. Несмотря на результаты голосования, представители союзных держав-победителей резко выступили против народного волеизъявления, и лишь в 1990 г. правительство Федеративной Республики Германии смогло вернуть «Песнь немцев», ограничившись ее третьей строфой. Тем не менее отдельный официальный закон о гимне до сих пор не принят.

Современный гимн в том виде, в котором он защищен уголовно-правовым законом восстановленной Германии, к сожалению, малоинформативен:

1. Страна – «немецкое Отечество», ей желают «цвести»;

2. Основная задача государственной власти – обеспечить «единство, право и свободу»;

3. Основная задача граждан – стремиться «по-братски, телом и душой» к единству, праву и свободе;

4. Враг – отсутствует;

5. Пожелание – «цвети» – акцентируется на настоящем времени, однако слова «единство, право и свобода – фундамент для счастья» говорят о надежде на то, что процветание распространится и в будущее.

Много больше положительных смыслов содержит «Песнь немцев». Во-первых, она конструирует географический облик Германии (как было сказано выше), которая «превыше всего в мире» и объединяет людей для «защиты и отпора». Во-вторых, создает позитивный имидж народа, «женщины, верность, вино и песни» которого «сохранят по свету свое старое доброе имя» и должны «вдохновлять нас к благородству всю жизнь нашу напролет». Эта идея уходящей в вечность верности традициям, к сожалению, не нашла отражения в современном исполнении. В-третьих, «Песнь немцев» не определяет врагов: их просто нет ни в пространстве объединенной Германии, ни среди соседей. Удивительно, но факт: гимн народа, заклейменного как самый милитаристски настроенный в Европе, созидателен и мирен по сути своей.

Тем не менее это не помешало его первой строфе стать символом сумасшествия, поразившего нацию в первой половине XX в. Не исключено, что в 30-е годы европейцы с таким же недоумением и ужасом взирали на крутую политическую кашу, выплеснувшуюся из «волшебного немецкого горшочка» и затопившую полмира, как мы сейчас следим за тем, что происходит на Украине. Каким образом в мирном бюргере, романтичном поэте, педантичном инженере и трудолюбивом работяге возникло инфернальное, мистическое, крестоносное «Drang nach...»?

В 1938 г., за год до начала Второй мировой войны, К.Г. Юнг в интервью Х.Р. Никербокеру говорил: «И все вместе, эти символы Третьего рейха, вслед за его пророком под знаменами ветра и шторма и вращающихся вихрей (свастика и ее производные – примечание мое, Е. В.) направляют массовое движение, увлекая немцев в урагане безудержных эмоций все дальше и дальше к судьбе, которую никто, вероятно, даже он сам, ясновидящий, пророк, фюрер, не может предсказать» (К.Г. Юнг «Диагностируя диктаторов»). О том, что случилось позже, ведает Клио, муза истории, но, к сожалению, не все извлекают из ее рассказов уроки.

Смыслы, сокрытые в привычных символах, на определенных поворотах жизненного пути государства начинают воздействовать на народ и взывать к его коллективному бессознательному. И от того, что именно они извлекают из иррациональных глубин, зависит будущее страны. Неловкое или самонадеянное обращение с национальными символами может вызвать из небытия демона, с которым не способны справится неумелые политдемонологи, но те, кто разыгрывают национальную карту, не желают учиться, они жаждут немедленно получить результат. И они его получают. «Монстр – вот что такое нация, – говорил К.Г. Юнг в цитированном выше интервью. – Каждый должен опасаться нации... Малые нации предполагают малые катастрофы. Большие нации предполагают большие катастрофы».

И поляками, и немцами, и украинцами, в период доминирования националистических программ, традиционно овладевает мессианская идея щита между цивилизованным Западом и дикими ордами Востока. А на востоке от современных и постсоверменных щитоносцев раскинула свои пространства необъятная, непонятная (и уже поэтому враждебная) **Россия**.

Государственный символ нашей страны прошел все этапы развития мирового гимностроительства, отразив политические перипетии, возникающие в тот или иной ис-

торический момент. В эпоху Петра I, с рождением Российской империи, роль гимна исполнял «Марш Преображенского полка», получивший словесное содержание только в 1805 г. Со словами: «Пойдем, братцы, за границу, бить Отечества врагов» – русская армия вступила на улицы Парижа в 1814 г. Он же был признан гимном Временного правительства после Февральской революции, как бы начав отсчет нового времени для новой страны.

С «Маршем Преображенского полка» соперничал в популярности созданный в конце XVIII в. церемониальный гимн царствования Екатерины II «Гром победы раздавайся!», написанный Г.Р. Державиным. Оба произведения напоминают «Марш Домбровского», с тем лишь исключением, что врагов «храбрый росс» планирует побеждать на территориях других стран, а не собственной, и, кроме «Магомета ты потрёс», конкретно их не определяет. Но понимание того, что гимн есть отражение мировоззрения общества, изложение национальной и державной идеи, привело к созданию именно государственного, а не церемониального или военного символа. В 1833 г. С.С. Уваров обнародовал знаменитую формулу официальной идеологии: «Православие, самодержавие, народность». Эти же смыслы необходимо было воплотить в государственной символике – для демонстрации широкомасштабной и целостной доктрины императорского правления. В том же 1833 г. А.Ф. Львов и В.А. Жуковский создают знаменитый «Боже, царя храни!», в котором явно прослеживается преемственность идей гимна Британской империи. Это был один из самых коротких гимнов Европы – шесть строк и шестнадцать тактов мелодии легко запоминались и воспроизводились массами. Его слова максимально плотно спрессовывали смыслы, присущие феодальной империи и воплощенные в символе-государе: «сильный, державный, царствуй на славу нам, царствуй на страх врагам, православный царь».

После Октябрьской революции 1917 г. гимном молодого Советского государства (сначала – РСФСР, а затем и СССР) был официально признан «Интернационал». Стихотворение Эжена Потье, участника Парижской Коммуны, как нельзя лучше отражало боевой настрой молодой Страны советов, консолидируя энергию борьбы в символическую форму: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, – кто был ничем, тот станет всем». Нужно отметить, что, в отличие от «Марсельезы», «Интернационал» таки планировал будущее созидательным, обещая строительство нового мира, и не раскалывал общество настолько непримиримо и кроваво, как революционная песнь Руже де Лиля – «это есть наш последний и решительный бой».

Гимн Советского Союза стилистически близок гимну, созданному для союза Германского. Но, написанный в годы Великой Отечественной войны (впервые исполнен в 1944 г.), он упирал на военное превосходство государства («мы армию нашу растили в сраженьях, захватчиков подлых с дороги сметем») и выражал веру в победу над врагом («знамя советское, знамя народное пусть от победы к победе ведет»). В 1977 г. текст был переориентирован на мирную жизнь и построение светлого коммунистического будущего, отразив ведущую роль партии в жизни государства.

После периода разброда и шатания, «парада суверенитетов», увлечения неолиберальной западной идеологией в 90-х гг. XX в., ознаменованного невнятным гимном в виде бессловесной «Патриотической песни» М. Глинки, в 2000 г. вернулся гимн Советского Союза, трансформировавшись в гимн Российской Федерации. Его возвращение вызвало ожесточенные споры в обществе. До сих пор у определенной части граждан страны (по тем или иным причинам) есть претензии к новой редакции текста, либо старому музыкальному сопровождению. Тем не менее можно сказать, что это один из самых политкорректных государственных гимнов, возможно, именно потому, что изменялся вместе с потрясениями, постигавшими страну и мир.

1. Страна – «священная держава», «любимая», «раскинувшаяся «от южных морей до полярного края», «одна на свете такая», «хранимая Богом». «Отечество свободное», достояньем которого являются вовсе не богатейшие природные ресурсы, а «могучая воля, великая слава», что более приемлемо для государственного концепта;

2. Основная задача государственной власти – сохранять «братских народов союз вековой»;

3. Основная задача граждан – хранить верность Отчизне, что «дает нам силу» и открывает «широкий простор для мечты и для жизни» в грядущем. Особенно подчеркивается гордость народа за свою страну: «Славься» страна, мы гордимся тобой!»;

4. Враг – отсутствует;

5. Упоминается «предками данная мудрость народная», т. е. прописывается

бережное отношение к прошлому, и мечты о будущем «грядущие нам открывают года». Утверждение: «так было, так есть и так будет всегда» подключает к вечности государственный концепт великой, свободной, хранимой Богом страны. Существует надежда, что с введением данной формулы новые редакции гимна нам уже не грозят.

Для гимна характерно слабое различие между понятиями «страна» и «государство», что, в общем-то, характерно для российской политической мысли, стремящейся слить воедино то, что народ привык радикально разделять. Также характерно для России привнесение патернализма, закрепляемого на символическом уровне: верность народа Отечеству в данном контексте равна верности государственной власти, которая приводит к награде в виде возросших сил и светлого будущего. Патернализм, как воплощение архетипа отеческой власти государства, противостоит архетипу народного героя-бунтовщика, навечно впечатанному в коллективное бессознательное нации, и призван защитить общество от социальных потрясений, которых за предшествующие века случилось предостаточно.

Сходство данной редакции гимна с «Песнью немцев» – в полном и окончательном отсутствии врагов. Складывается ощущение, что его программа направлена на внутренние дела государства, утверждение самодостаточности нации, воспитании самоуважения и трансценденции к утраченным было высшим смыслам существования – Богу, традициям, мечтам, питающим творческий дух народа.

Таким образом, идеальный конструкт государства, программируемый гимном России, не так уж плох. Единственный его минус – он не вызывает эмоций. После 2000-х годов общество проявляет поразительное равнодушие к государственной символике, возможно, потому, что выздоравливает от радикализма. Россия не желает возвращаться в 90-е, с их революционным пафосом и бурными баталиями о форме и содержании символов власти, меняя боевой задор на стабильность и порядок. Может быть, и впрямь благословенны те времена, когда нацией не правят символы? По крайней мере не правят напрямую, ибо их подспудное воздействие, как мы уже убедились на примере гимнов разных стран, не прекращается ни на миг.

Информационная цивилизация, вырастающая из вещной цивилизации былых времен, располагается в пространстве символической вселенной, о которой вел речь Э. Кассирер и в которую погружалась герменевтика XX в. Миф, наука, язык – феномены, конструирующие ее реальность. Символы и знаки – артефакты, формирующие феномены. Процесс познания в данной реальности движется по траектории герменевтического круга: понимание целого возникает при должной интерпретации частей, что можно сделать только тогда, когда понимание предзадано. Самопрояснение понимания, таким образом, проявляется в истолковании. Задачей герменевта определено правильное «вхождение» в герменевтический круг, что должно привести к пониманию непонятного.

Срединное расположение символической вселенной предоставляет ей уникальную возможность стать связующим звеном между эмпирической и трансцендентной реальностями. Человек все увереннее обживается в этом промежуточном пространстве, усложняя и окультуривая его, применяя познавательные практики, являющиеся герменевтическими по природе самого объекта. В такой позиции процесс понимания становится более результативным, сдвигая горизонты непонятого к суб- и надсмысловым конструктам. За символом смыслы стоят всегда, ибо он заякорен одновременно и в вещности, и в трансцендентности. Таким образом, через анализ известных и традиционных знаковых фигур возможно прояснение неизвестного.

Когда символ непосредственно воздействует на предметную реальность, он открывает дорогу потоку трансцендентного, взламывающему упорядоченные структуры материального мира. Поступок, жест, лозунг, лишенные драйва во времена процветания, в эпоху перемен наполняются надпредметными иррациональными смыслами, подключаются к хаосу неопределенного и невыразимого. Трансцендентные наводнения вновь наполняют живительной силой, выражаясь словами К.Г. Юнга, «русла пересохших рек» архетипов государственной власти, а их эмблемы – герб, флаг и гимн – актуализируют забытые смыслы.

Таким образом, чтобы решить основную задачу герменевтики, необходимо не только искать понятное в непонятном, но и непонятное в понятном, т. е. восстановить непонятное в его правах. Понятное на поверхности, само собой разумеющееся, часто таит никому не известные глубины, ибо, перефразируя афоризм Чжуан-цзы, все и без того считают понятным понятное, но никто не считает понятным непонятное.

Результативность поиска непонятного в понятном демонстрирует представленный в статье онтолого-мировоззренческий анализ гимнов, вскрывающий неочевидные, но отнюдь не таинственные смыслы этих эмблематичных концептов. Через выделенное непонятное мы приходим к постижению нового витка реальности, содержащей в непонятном уже понятое.

Постсовременная информационная цивилизация своим обращением к симулякрам стигматизирует непонятное, вытесняет его из символического срединного пространства, срывает с якорей, закрепленных в предметном и трансцендентном мирах. В результате потери связи с иными реальностями человек утрачивает традиционные смыслы бытия и начинает надстраивать и усложнять символический мир, абсолютизируя и дегуманизируя его. Диалектическое взаимодействие понятного и непонятного должно стать осевой программой герменевтики, а продуктивная дихотомичность предметной и трансцендентной реальности – фундаментом информационной цивилизации.

1. Бердяев, Н.А. Судьба России. М., 1990.

2. Вещество литературы (На вопросы редакции отвечает Л. Карасев) // Человек. 1997. N 1.

3. Емелин, В.А. Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://emeline.narod.ru/virtual.htm (дата обращения: 28.10.2014).

4. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. I. Таллинн, 1992.

5. Осоргин, М.А. Свидетель истории. М., 2010.

References

1. Berdjaev, N.A. (1990) Sud'ba Rossii [Russia's Destiny], M. [in Rus].

2. Veshhestvo, literatury (Na voprosy redakcii otvechaet L. Karasev) [Substance of Literature (L. Karasev answers the questions of editorial)] // Chelovek. 1997. N 1 [in Rus].

3. Emelin, V.A. (1999) Virtual'naja real'nost' i simuljakry [Virtual reality and simulacres], M. [Электронный ресурс]. URL: http://emeline.narod.ru/virtual.htm (data obrashhenija: 28.10.2014) [in Rus].

4. Lotman, Ju.M. (1992) Simvol v sisteme kul'tury [Simbol in the culture system] // Izbrannye stat'i. T. I, Tallinn [in Rus].

5. Osorgin, M.A. (2010) Svidetel' istorii [Witness of history]. Moscow [in Rus].

UDC 101.8

ANTHEM HERMENEUTICS. PART II

Vorobyeva ElenaYuryevna,
Cand. Sc. (Philosophy),
Omsk, Russian.
E-mail: velena-05@mail.ru

Annotation
Understanding as the main task of hermeneutics cannot be solved without dialectic approach. Understanding is not only penetration into understandable in a strange, but strange in the clear. In example of such traditional symbols of the state as anthems it is shown the extensibility mechanisms of known through the analysis of hidden meanings and their influence on the political fate of nations.

Key concepts:
hermeneutics,
information civilization,
symbol,
meaning,
anthem.